

Российская Академия Наук
Сибирское отделение
Бурятский институт общественных наук

Диссертационный совет Д 003.26.01
по филологическим наукам

На правах рукописи

САИДАНОВА МАРИЯ РИНЧИНОВНА

УДК 942.3+482/415.5
С181

*СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ НЕЛИЧНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛОВ
БУРЯТСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ*

Специальность 10.02.16 - монгольские языки

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Улан-Удэ 1996

Диссертация выполнена в Бурятском государственном Университете
на кафедре методики начального обучения языкам

Научный руководитель: доктор филологических наук,
член-корреспондент РАЕН, профессор В.И.Рассадин

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
А.Д.Шагдаров, кандидат филологических наук, доцент Л.Б.Бад-
маева

Ведущая организация: Бурятский институт повышения ква-
лификации и переподготовки работников образования

Защита диссертации состоится "28" сентября 1996 г.
в 14 час. на заседании диссертационного совета
Д.003.26.01 в Бурятском институте общественных наук
СО РАН (670047, Республика Бурятия, г.Улан-Удэ,
ул.М.Сахьяновой, 6).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Бурятского научного центра СО РАН (г.Улан-Удэ, ул.М.Сахьяно-
вой, 6).

Автореферат разослан "23" февраля 1996 г.

Ученый секретарь диссертационного
совета, кандидат филологических наук Г.А.Даржеева

Введение

Актуальность темы исследования определяется необходимостью сопоставительно-филологического изучения отдельных строевых элементов бурятского языка как в фонетическом, лексикограмматическом и семасиологическом, так и в грамматических аспектах, что весьма важно не только в общетеоретическом плане, но и для практических целей - для создания адекватной сопоставительной грамматики бурятского и русского языков. Такая грамматика крайне необходима для оптимизации изучения русского языка бурятами и бурятского - русскоязычными. В условиях нашей многонациональной республики это представляется весьма актуальным, поскольку в последнее время наблюдается активизация интереса к национальным языкам и культурам.

Свою актуальность исследования подобного рода приобретает в последнее время с принятием в 1992 г. "Закона о языках народов Республики Бурятия", в соответствии с которым бурятский язык получил статус государственного языка наряду с русским в пределах Республики Бурятия. Этот закон предписывает не только широкое практическое изучение бурятского языка, но и расширение всесторонних научных, в том числе и сопоставительных исследований строя бурятского и русского языков.

Сопоставительное изучение бурятского языка с русским началось относительно недавно, и поэтому данная проблема все еще остается малоизученной. В то же время следует отметить, что хотя по ней и стала накапливаться некоторая литература, многие вопросы этой проблемы так и остались до конца не разработанными, потому что объектом проводившихся сопоставительных исследований бурятского и русского языков являлись лишь строевые элементы обоих языков, взятые только в фактологическом плане, на уровне фактов языка. Речевое же их употребление, их синтаксические функции в сопоставительном плане, можно сказать, почти не изучались.

Поскольку имеющихся работ, в которых сопоставлены бурятский и русский языки, сравнительно немного, позволим себе привести наиболее значимые из них. Так, к ним относятся: "Сопоставительная грамматика русского и бурятского языков" Ж.С.Сажина, сборники статей "Вопросы преподавания русского

языка в условиях русско-бурятского двуязычия", "Вопросы преподавания русского языка в национальном вузе", "Основные особенности грамматического строя русского и бурятского языков" М.Н.Мангадаева, "Очерки по методике преподавания морфологии русского языка в бурят-монгольской школе" П.И.Малакинова. Поскольку вышеназванные работы предназначались в основном для практических нужд преподавания русского языка в бурятской аудитории, в них мало затронуты теоретические аспекты проблемы. Можно назвать лишь единичные работы теоретического плана, это: статья А.А.Дарбеевой "Сравнительная характеристика основных структурных особенностей бурятского и русского языков", диссертация А.С.Жаргалова "Интонационное оформление коммуникативно-модальных разновидностей общего вопроса в бурятском языке в сопоставлении с русским (экспериментально-фонетическое исследование)", монография О.Д.Бухаевой "Типологическое сопоставление фонем и их сочетаемости в бурятском и русском языках", монография В.М.Егодуровой "Типология развития глаголов бурятского и русского языков (на примере глаголов движения)", несколько статей в сборнике отдела языкознания БИОН СО РАН "Сопоставительно-типологические исследования монгольских языков" (Улан-Удэ, 1993).

Как видно из названий приведенных работ, проблеме монографического сопоставительного изучения неличных форм глаголов бурятского и русского языков не было уделено внимания, хотя они представляют собой наиболее интересный в теоретическом отношении и наименее изученный раздел глаголов как бурятского, так и русского языков. Этот же раздел является и наиболее трудным в практическом изучении данных языков, поскольку именно здесь наблюдается разница между бурятским и русскими языками не только по составу, но и по речевому употреблению неличных форм. Все сказанное выше предопределяет актуальность темы диссертации.

Цель работы: произвести сопоставительно-типологическое исследование неличных форм глаголов бурятского и русского языков как на уровне языка, так и речи.

В соответствии с поставленной целью в диссертации решаются следующие задачи:

1. Охарактеризовать эволюцию взглядов на природу и сущность неличных форм глаголов в монголоведении и русистике,

определив их место в системе частей речи.

3. Уточнить состав и образование причастных и деепричастных форм глаголов в бурятском языке.

2. Произвести сопоставление уточненной системы личных форм бурятского глагола с системой личных форм русского глагола.

4. Дать сопоставительное исследование речевых функций причастных форм глаголов бурятского и русского языков, разграничив их адъективную, субстантивную и предикативную функции.

5. Произвести сопоставительное исследование речевых функций деепричастных форм глаголов бурятского и русского языков, разграничив речевые функции бурятских сопутствующих и обстоятельственных деепричастий.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней впервые в бурятоведении и шире - в монголоведении, предпринята попытка целостного монографического сопоставительного исследования состава и речевых функций личных форм глаголов бурятского и русского языков.

Теоретическая и практическая значимость проведенного диссертационного исследования состоит в том, что результаты работы могут быть использованы при изучении других грамматических категорий бурятского глагола. Работа имеет практическое значение при осадании курса вузовских и школьных лекций по сравнительной грамматике бурятского и русского языков. Выводы диссертации могут быть использованы в практическом преподавании русского языка в бурятской аудитории, поскольку она может дать теоретическое обоснование лингвистическим основам межъязыковой интерференции, а также при составлении различных учебных пособий. Результаты исследования могут быть полезны и для лексикографической и переводческой практики.

Методы исследования. Основными методами исследования в диссертации являются сопоставительно-типологический, сравнительный и списательный методы, включая систему таких исследовательских приемов, как наблюдение, сопоставление, описание, обобщение. Используется также метод компонентного анализа грамматических явлений. Исследование материала диссертации основано на подходе к анализу языковых явлений с точки

зрения бурятского языка с опорой на теоретические и методологические положения, принятые в бурятском языкознании. К фактам, составляющим специфику русского языка был принят подход с позиций русского языка и положений, принятых в русском языкознании.

Материалом для исследования послужили оригинальные произведения бурятских и русских писателей, переводы русских авторов на бурятский язык; словари современного бурятского и русского языков; морфолого- и синтактико-типологический анализ устной и письменной речи учащихся бурятских школ и студентов вузов на предмет словоупотребления причастий; исследование так называемых "параллельных" текстов разных стилей и жанров - переводов с русского языка на бурятский и с бурятского на русский; сопоставительный анализ семантики причастных форм бурятского и русского языков.

Для работы над диссертацией автором была составлена картотека в объеме около 5 000 карточек.

Апробация работы. Основные результаты исследования изложены в докладах, сделанных на заседаниях кафедры методики начального обучения языкам ЕПИИ им.Д.Банзарова, на научно-практических конференциях профессорско-преподавательского состава названного института, а также на научно-теоретической конференции БНЦ СО РАН. Результаты исследования были использованы при разработке спецсеминара, лекционных курсов по современному русскому языку и по методике преподавания русского языка в национальной бурятской школе. По теме диссертации опубликованы три научные статьи и один тезис доклада на научной конференции БНЦ СО РАН. Общий объем публикаций 2,7 п.л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

Содержание работы

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы, формируются цель и задачи исследования, характеризуется материал, определяются методы и методология исследования, определяется его научная новизна, научная и практическая зна-

чимость. Во введении рассматривается также эволюция взглядов в монголоведении на природу и состав личных форм глагола.

В главе I "Состав и образование личных форм глагола в бурятском и русском языках" проводится сопоставительное семантическое исследование причастных и деепричастных форм бурятского и русского языков со сравнительным анализом их состава и процесса образования.

В современном бурятоведении, как и вообще в монголоведении, личные формы глагола, которые включают в себя причастия и деепричастия, осознаются как особые формы глагола, но не самостоятельные лексико-грамматические категории. В грамматическом строе монгольских языков их роль чрезвычайно велика. Благодаря им глагол имеет связь как с именами, так и с наречиями. Причастные формы позволяют определять лицо или предмет по действию. Поскольку же действие связано с категорией времени, то и причастные формы и отражают эту категорию. Деепричастия же характеризуют другое действие через действие. При этом другое действие может либо сопровождать основное действие, либо быть условием для его совершения. Роль личных форм в монгольских языках, в том числе и в бурятском, более разнообразна и значительна, нежели в русском языке. На этих формах, например, построен весь синтаксис монгольских языков.

В § 1 "Состав и образование личных форм глагола в бурятском языке" подробно рассмотрен процесс образования причастных и деепричастных форм бурятского глагола и уточняется их состав.

Причастия в бурятском языке образуются от глагольной основы при помощи специальных суффиксов. Эти суффиксы постоянны для каждого вида причастия и имеют только фонетические варианты, выбор которых зависит лишь от позиционно-комбинаторных фонетических условий. Причастия бурятского языка, в отличие от русского, не имеют категории рода, числа и падежа, как любой атрибутив вообще. Они не имеют кратких форм и не знают ограничений при образовании, связанных с видом, залогом или переходностью глагола.

В бурятском языке нет такого тотального деления всех причастий, независимо от времени, на действительные и страдательные по активности или пассивности признака по дейс-

твию, как это представлено в русском языке.

В бурятских причастиях специальными суффиксами выражаются не только значение времени - настоящего, прошедшего и будущего, - но и дополнительные модальные и видовые коннотативные значения.

В бурятоведении принято группировать причастия по временам.¹ В группу бурятских причастий настоящего времени включают постоянное на -ааша, многократное на -даг, однократное на -гша, причастие возможности на -маар и причастие настояще-прошедшего времени на -аа.

В группу причастий прошедшего времени включают причастие прошедшего времени на -нан, причастие завершено-прошедшего времени на -ихай и страдательное причастие на -аатай.

К причастиям будущего времени относятся причастия на -ха.

В работе подробно рассмотрены процессы образования всех этих причастий и их значения.

Деепричастия бурятского языка в принципе имеют те же категориальные признаки, что и русские, т.е. они как и другие глагольные формы сохраняют залог и вид, управление, валентность. Деепричастные формы бурятских глаголов лишены категории времени и обозначают такие действия, которые сопровождают основное действие или же является обстоятельствами при них. Деепричастие выражает только относительное время. По отношению к основному действию бурятские деепричастия делятся на две группы: 1) сопутствующие деепричастия и 2) обстоятельственные деепричастия.

В Грамматике бурятского языка² выделяют 13 деепричастных форм. В диссертации автором выявлено 16 глагольных форм, имеющих бесспорный статус деепричастия.

В составе сопутствующих деепричастий включены соединительное на -жа, слитное на -н, разделительное на -аад и отрицательное на -нгуи. К обстоятельственным отнесены: условное на -бал, уступительное на -башье, предельное на -тар, предварительное на -мсаар, последовательное на -халаар, про-

¹ См.: Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М., 1962, с.279.

² См.: Грамматика бурятского языка, с.279-292.

должителное на -наар, заманное на -нхаар, полутное на -нгаа, целевое на -хаа (-хаа, -хаар), образа действия на -маша, степени действия на -хээ (-ээ) и приливное на -хыхиа.

В работе подробно рассмотрены процессы образования этих деепричастных форм, их значения и аргументировано их выделение.

§ 2 "Неличные формы глагола в системе частей речи русского языка" посвящен рассмотрению вопроса о грамматическом статусе неличных форм глагола - причастия, деепричастия и инфинитива - в теоретической грамматике русского языка.

В истории русистики не было единства взглядов на статус и природу неличных форм русских глаголов. Одни специалисты рассматривают неличные формы глагола как формы одного и того же глагола, другие относят их к разным частям речи, а третьи предлагают рассматривать эти глагольные формы как самостоятельные части речи. Последнее мнение бытует в русистике по традиции, взятой на первых грамматик греческого и латинского языков. В данном параграфе подробно разбирается история становления взглядов в русистике на природу и статус неличных форм русского глагола; подробно рассматриваются различные точки зрения; анализируется теоретическая база выделения неличных форм глаголов в русском языке не как частей речи, а как особых форм глагола, связанных с именами и наречиями.

§ 3 подробно рассмотрены состав и процессы образования неличных форм глагола в русском языке.

Поскольку как в бурятском, так и в русском языках причастия и деепричастия, а также русский инфинитив, являются формами глагола, то в параграфе прежде всего дан анализ этих неличных форм в соотношении с глагольными категориями вида, залогов и времени.

В зависимости от присутствия этих глагольных категорий, причастия, например, современного русского языка делятся на действительные и страдательные (по наличию категории залогов), настоящего или прошедшего времени (по категории времени) и несовершенного или совершенного вида (по наличию категории вида).

Русские причастия и деепричастия, обладая категориями глагола и прилагательного, глагола и наречия, имеют тот же,

в принципе, способ выражения видового значения, что и у личных форм и у инфинитива. Принадлежность глагола как лексемы к совершенному или несовершенному виду предопределяет возможность и невозможность образования от него, соответствующих причастий и деепричастий.

Неличные формы русского языка сохраняют значение переходности/непереходности того глагола, от которого они образуются. Переходные глаголы обладают причастиями двух залогов - действительного и страдательного.

В современном русском языке от глагола можно образовать 4 формы причастий: формы настоящего (-ащ-, -ящ-, -ущ-, -ющ-) и прошедшего (-вш-, -ш-) времен действительного залога; формы настоящего (-им-, -ем-, -ом-) и прошедшего (-енн-, -нн-, -т-) времен страдательного залога. В то же время залоговые формы причастий в русском языке не всегда выражают те грамматические значения, которые составляют категорию залога и лишь частично соотносены с ней.³ В русском языке, кроме того, отсутствует регулярность образования причастий от глагола: не всегда возможно образовать все вышеуказанные 4 формы причастий от одного и того же глагола. Это объясняется тем, что образование причастий тесно связано как с категорией вида глагола, так и с категорией переходности/непереходности (случаи страдательных причастий). Кроме того глаголы совершенного вида не образуют причастий настоящего времени действительного и страдательного залогов, непереходные глаголы не образуют причастий страдательного залога.

В современном русском языке причастия настоящего и прошедшего времени страдательного залога имеют как полные, так и краткие формы, а действительные причастия имеют только полные формы.

Деепричастия в русском языке как и причастия, тоже образуются не от всех глаголов. Русский язык имеет две деепричастных формы: совершенного вида на -в, -вши, -ши, несовершенного вида на -а, -я, -учи, -ючи.

Характерной особенностью русского языка по составу неличных форм глаголов, отличающей его от бурятского языка, является наличие в русском языке инфинитива, особой неопре-

---

³ См.: Грамматика русского языка, М., 1970, с.419.

деленной формы глагола.

В выводах по главе кратко резюмируются основные результаты сопоставительного анализа состава и содержания неличных форм глаголов бурятского и русского языков.

Во II-й главе "Речевые функции причастных форм глагола бурятского и русского языков" приведен сопоставительный анализ тех синтаксических функций, которые выполняют причастия в бурятском и русском языках. При этом в отдельности рассмотрены адъективная, субстантивная и предикативная функции причастий обоих языков.

§ 1 "Адъективная функция бурятских и русских причастий" посвящен сопоставительному исследованию основной функции причастий как бурятского, так и русского языков, имманентно присущей им, - служить процессным определением. В этой своей функции бурятские и русские причастия полностью совпадают. При этом, бурятский язык на речевом уровне компенсирует неразвитость в системе его глагола страдательных причастий. Преодолевает он этот недостаток довольно своеобразным способом - различая действительные и страдательные отношения в процессном определении тем, что ставит это в зависимости от категории переходности/непереходности глагола, от основы которого образовано данное причастное определение, и от того, что получает это определение - субъект действия или объект действия. Эта же зависимость прослеживается и в причастных определениях, образованных от залоговых форм глаголов. Здесь тоже оказывается весьма важным, лежит ли в основе залоговой формы переходный глагол, либо глагол движения или состояния.

Так, в случае выражения определения причастием, образованным от переходного глагола действительного залога, следует различать, что определяется: субъект действия или его объект. Здесь возможны варианты: а) если по действию определяется его объект, то бурятское причастное определение, выражаемое здесь причастием действительного залога, соответствует русскому определению, выраженному страдательным причастием, например: Батын уншаран ном "Книга, прочитанная Батой". Субъект действия бурятского причастия здесь обязательно оформляется родительным падежом, в русском языке - творительным; б) если определяется по действию субъект этого

действия, то и в бурятском и в русском языках употребляются причастия действительного залога, например: Номоо уншаһан Бата "Бато, прочитавший книгу".

При употреблении причастных определений, образованных от бурятских непереходных глаголов, тоже различаются два варианта: а) если в основе этих причастий лежат глаголы состояния, то возможно только определение субъекта действия по этому действию. При этом бурятским причастиям действительного залога здесь будут соответствовать либо русские причастия от возвратного залога, либо от действительного, например: Намһаа айһан Доржо "Испугавшийся меня Доржи"; хухерһан убһан "поведеневшая трава"; б) если причастное определение образовано от глаголов движения, то в случае отнесения его к субъекту действия в обоих языках одинаково употребляются причастия действительного залога, например: Тэрэ харгыгаар ябаһан Доржо "Шедший по той дороге Доржи"; в случае же определения по действию объекта действия, то субъект действия при этом оформляется в бурятском языке родительным падежом, в русском - творительным, а бурятскому причастию действительного залога будет соответствовать русское страдательное причастие, например: Батын ябаһан тэрэ харгы "Та дорога, пройденная Батой".

При употреблении в качестве определения бурятских причастий, образованных от страдательного залога переходных глаголов, формируются процессные определения, соответствующие русским страдательным причастиям, если по этому действию определяется грамматический субъект действия, реальный субъект действия при этом оформляется дательным падежом, например: Шонодо баригдаһан хонин "Овца, пойманная волком".

При процессном определении грамматического субъекта действия, образованном от переходного глагола побудительного залога, вместо страдательного употребляемые в бурятском языке причастия соответствуют русским страдательным причастиям. Реальный исполнитель действия при этом выражен в бурятском языке дательным падежом, в русском - творительным, например: Унаһан модондо сохюулһан Доржо "Доржи, ударенный упавшим деревом".

При причастных определениях, образованных от переходных глаголов побудительного залога в бурятском языке, возможны

два варианта: а) в случае определения объекта по этому действию бурятские причастия здесь соответствуют русским страдательным причастиям. Реальный исполнитель действия в бурятском языке ставится в орудном падеже, грамматический объект - в родительном, например: Батын Дугараар барюуллан морин "Конь Бато, пойманный Дугаром". В русском языке реальный исполнитель действия оформляется творительным падежом; б) в случае определения грамматического субъекта по действию бурятские причастия от побудительного залога здесь соответствуют русским действительным причастиям. Реальный исполнитель действия ставится в орудном падеже, а при переводе на русский язык обязательно должны быть выражены побудительные отношения, например: Доржоор морео барюуллан Бата "Бато, заставивший Доржи поймать своего коня".

Если в качестве определения употреблено причастие, образованное от побудительного залога бурятских непереходных глаголов состояния, то здесь тоже возможны два варианта: а) если определение по действию получает субъект действия, то бурятские причастия полностью соответствуют русским действительным причастиям, например: Доржо айлгалан Бата "Бато, получивший Доржи"; б) если причастие определение получает объект действия, то бурятское причастие здесь соответствует русскому страдательному причестию, например: Батын айлгалан Дорж "Доржи, изгнанный Батом".

Если в качестве определения употребляются причастия, образованные от побудительного залога глаголов движения, то и здесь возможны два варианта: а) если причастие определение получает объект действия, то бурятские причастия здесь соответствуют русским страдательным причастиям, например: Эжын уһанда эбуулһан хубуун "Сын, отправленный мамой за водой"; б) если причастие определение получает субъект действия, то бурятскому причестию здесь соответствует русское действительное причастие, например: Хубутга уһанда эбуулһан эж "Мама, отправившая своего сына за водой".

Таким образом, в бурятском языке при причастных определениях наряду с категорией залога ведущая роль принадлежит категории переходности/непереходности.

В § 2 "Субстантивная функция причастий бурятского и русского языков" подробно разбирается, какие речевые функции

начинают выполнять причастия бурятского и русского языков в случае их субстантивации. При этом различаются варианты полной и неполной, окказиональной субстантивации. Субстантивация причастий в бурятском языке до сих пор не была предметом специального исследования. Лишь в некоторых работах указывается на явление перехода причастий в имена существительные. При этом авторы обращают внимание главным образом на случаи полной субстантивации, когда причастие переходит в разряд имен существительных. Это случаи типа нурагша "обучающийся" - нурагша "ученик". Случаи неполной, окказиональной субстантивации причастий бурятского языка почти не изучены. Субстантивация же причастий русского языка в целом исследована неплохо, здесь определены и охарактеризованы основные лексические и грамматические черты различных типов субстантивации - от полной до окказиональной. В русском языке субстантивация считается особым и достаточно активным способом образования имен существительных, главным образом от прилагательных и причастий. Субстантивация в русском языке, как и в бурятском, может быть полной, неполной и окказиональной. О полной субстантивации речь идет тогда, когда субстантиват употребляется только в качестве существительного, например: сказуемое, подлежащее, поверенный, ведущий, ведомый. При неполной субстантивации слово употребляется и в качестве существительного, и в качестве причастия, например: заведующий, управляющий. В случае окказиональной субстантивации слово употребляется в качестве существительного только в конкретном контексте, например: Выступающие отметили хорошую подготовку сельских спортсменов; все приемлемое следует учитывать.

В бурятском языке могут субстантивироваться причастия почти всех морфологических типов, кроме причастий возможности на -маар /-ма/, завершено-прошедшего времени на -нхай, прошедше-настоящего на -аа, страдательного на -аатай. При этом причастия прошедше-настоящего времени на -аа и будущего времени на -ха, принимая частицу отрицания -гуй и частицу личного притяжения на -нь, субстантивируются достаточно регулярно. Причастия же с видовой характеристикой: однократное на -гша, мнскратное на -даг, постынное на -ааша очень продуктивны в плане субстантивации и даже участвуют в про-

цессе словообразования. Эти причастия вместе с временными причастиями: прошедшего времени на -һан и будущего на -ха образуют тип полной субстантивации, хотя причастие на -һан в качестве полного субстантивата используется все же достаточно редко. Ему присущи скорее неполная и окказиональная типы субстантивации. Самыми продуктивными в плане полной субстантивации являются однократное причастие на -һа и постоянное на -һаа. При помощи них образовано много бурятских существительных, как например: хураһа "ученик, учащийся", хураһа "учитель, преподаватель", туруулагһа "председатель", хажалдһа "исследователь", халаһа "сказуемое", хардуулагһа "подлежащее". При полной субстантивации употребление таких слов в качестве причастий непродуктивно.

Неполная и окказиональная субстантивация позволяют бурятским причастиям вести себя как имя и получать оформление показателями множественного числа /напр.: ерәһэд "пришедшие"/, падежа /ерәһэдэй "пришедших"/ и личной принадлежности /ерәһэдтэй "ваши пришедшие"/. В предложении такие формы причастий выполняют полностью функции имени существительного: выступают в роли подлежащего, дополнения и обстоятельства. Например: Малгагһаг малай гууртэ, отарануулаар лбаһан байна "Презерирующие посетили гурты и стары". Тәдә халадөгһа хураддәбә "Сбылось то предсказание", Гәнтә галуунай гәнтә-налдәхә дуудажарһибәб "Вдруг я услышал голотание гусей", Би эсэгһыгә эахидәгә мартадәгһуиб "Я не забыл наказа своего отца", Хунәй нугһәхәдә, одон унадаг км гәлсөгһә гу даа "Как-то говорят, что звезда падает, когда умирает человек".

В ланной функции, таким образом, много общего между бурятскими и русскими причастиями.

§ 3 "Предикативная функция причастий бурятского и русского языков" посвящен рассмотрению использования как бурятских, так и русских причастий в роли различного типа сказуемых.

В бурятском языке различают два типа сказуемых: сказуемое главного предложения, в котором предикатом выступает главное, основное действие, и сказуемое зависимой предикативной единицы, т.е. вторичного, зависимого действия.

Главная предикативная единица в бурятском языке - это сказуемое простого предложения или сказуемое главного пред-

ложения в составе сложноподчиненного предложения или простого предложения, осложненного различного типа оборотами. Сказуемые бывают двух типов: глагольными и именными, а по своему составу делятся на простые и сложные. Простое сказуемое состоит из одного слова, снабженного либо общей предикативной частицей /напр.: юм, ха юм, бэлэй и др./, либо лично-предикативной. Сложное сказуемое, которое тоже принимает эти частицы, состоит из значимой и служебной частей. Значимая часть при этом может быть выражена именными частями речи, наречиями, местоимениями, а также причастиями и деепричастиями. В роли служебной части выступают специальные служебные и модальные глаголы.

Бурятские причастия, наиболее ярко проявляя свою глагольность, выступают в функции простого глагольного сказуемого, выражая действие или состояние предмета или лица с указанием на время его совершения по отношению к моменту речи. Причастия настоящего-прошедшего времени на -аа, прошедшего времени на -һан, завершенно-прошедшего на -нхай, страдательного на -аатай имеют значение прошедшего времени и чаще всех причастий употребляются в роли простого глагольного сказуемого. Например: Доржо ерээ, Доржо ерэһэн юм, Доржо ерэнхэй "Доржи приехал", Сай хээтэй "Чай налит".

Причастие будущего времени на -ха и причастие возможности на -маар, выступая в роли конечного простого сказуемого, имеют значение будущего времени, например: Буряад драмын театрта Сагаан һарын найр болохо "В бурятском драматическом театре состоится праздник Белого месяца", Энэ концерт шагнамаар "Этот концерт стоит послушать".

Видовые причастия (многократное на -даг, однократное на -гша и постоянное на -ааша) достаточно регулярно выступают в качестве простого глагольного сказуемого и выражают обычность действия или состояния, например: Би тэрэ һургуулида багшалдагби "Я работаю учителем в той школе".

Причастия бурятского языка очень широко употребляются в предикативной функции и в составе сложного глагольного сказуемого, сочетаясь со служебными и модальными глаголами типа байха "быть, находиться, стоять", ябаха "идти", һууха "сидеть", хэбтэхэ "лежать", болохо "становиться, делаться", һанаха, бодохо, гэхэ, забдаха, хусэхэ, һэдэхэ, выражающие

намерение, попытку совершить действие, а также модальные слова типа керэгтай "нужно", эһөтэй "должно", аргатай "возможно" и др. Например: Ахамни усагалдар хулэһөөс ерэһан байна "Мой брат вчера приехал из деревни". Ши газгакэ эһогуийш "Ты не должен отстать".

В русском же языке, как известно, различаются следующие типы сказуемых: простое глагольное сказуемое, составное глагольное сказуемое, составное именное сказуемое и сложное сказуемое. Причастие-сказуемое относится к классу именного составного сказуемого. Весьма обычно употребление в роли сказуемого краткой формы причастия, особенно страдательного, например: Водух пропитан запахом моря. Полные формы причастий тоже обладают предикативностью, но гораздо реже.

Очень распространено в бурятском языке и чрезвычайно частотно использование причастий, главным образом прошедшего на -һан, будущего на -ха, многократного на -даг, отрицательной формы на -аагуй в различных падежных, послеложных и падежно-послеложных конструкциях для оформления инфинитивных зависимых сказуемых в причастных оборотах, которые могут быть достаточно распространенными. По значению и функции они обычно соответствуют придаточным предложениям русского языка. Эти обороты в бурятском языке могут быть развернутыми подлежащими, дополнениями, обстоятельствами, определениями, например: Минни угдөөдөр Москва эмхэе кэнһэе дуулааһи? "Ты от кого слышал, что я завтра еду в Москву?"

В русском языке причастия в подобной роли столь широко не выступают. В нем представлен только один тип причастного оборота - причастный определительный оборот, выступающий в функции обособленного причастного определения, например: Мягкий ветерок, дующий со всех сторон, иногда усиливался.

Глава III "Речевые функции деепричастных форм глаголов бурятского и русского языков" посвящена рассмотрению синтаксических функций деепричастий бурятского и русского языков в сопоставительном аспекте.

Бурятские деепричастия по значению и той роли, которую они выполняют в предложении, делятся на две группы: сопутствующие деепричастия и обстоятельственные. В русском же языке, как уже отмечалось выше, деепричастия имеют только две формы: совершенного и несовершенного видов, в отличие от 16

бурятских.

§ 1 "Речевые функции сопутствующих деепричастий бурятского языка и деепричастий русского языка". Основной особенностью бурятских сопутствующих деепричастий является то, что они обозначают действия, сопровождающие главные, основные действия. При этом они либо происходят параллельно с ними, либо с какой-то стороны определяют и уточняют их. В первом случае сопутствующие деепричастия оказываются самостоятельными, инфинитными сказуемыми предложений, в том числе и сочиненных, а во втором - они являются по сути дела обстоятельствами образа действия. Именно здесь совпадают функции бурятских и русских деепричастий. Для бурятских деепричастий характерны более разнообразные функции.

Наиболее отчетливо сказуемостная функция сопутствующих деепричастий проявляется в сочиненных предложениях, в которых эти деепричастия не определяют и не характеризуют действия, выраженные в финитных сказуемых. Оформление однородных сказуемых является одной из распространенных функций сопутствующих деепричастий, например: Тэнгэрийн дуун гамжага, уулан тарага, бороон тогтожо, наран гарага байна "Затихает грсм, расходятся облака, прекращается дождь, всходит солнце".

В роли обстоятельств замечены следующие сопутствующие деепричастия бурятского языка: 1) слитное деепричастие на -н - Дулма шэртан карага асууба "Дулма спросила взглядываясь", Найдан энеэбхилэн харюусаба "Найдан ответил улыбаясь"; 2) соединительное деепричастие на -жа; 3) разделительное деепричастие на -аад - Бадма Дашатай нургуулидаа ээргэлээл нуудаг "Бадма сидит в школе рядом с Даша".

В русском языке выделяются разные типы обстоятельств, из коих обстоятельства времени, цели и причины, а также условия, образа действия выражаются, кроме своих типичных средств, и деепричастиями. Деепричастие несовершенного действия указывает на одновременность второстепенного действия с основным, например: Бредя, переругиваясь, нищие и калеки. Деепричастие совершенного вида указывает на предшествование второстепенного действия основному, например: Закрыв глаза, он сел на стул; Заробев, Михайло истово перекрестился на угол. Вообще, нужно сказать, что русские деепричастия, выражая одновременность или предшествование действия, в то же

время констатирует раскрывает образ, время, цель и условия совершения действия.

Безусловно обычным для бурятского языка, составляя его специфику, является употребление сопутствующих деепричастий с различными вспомогательными глаголами для образования аналитических форм выражения видовых значений, например: уншажа байна "читает" - продолженный вид, уншад байна "недолго/читает" - ограниченно продолженный вид, уншад байна "прочитал" - законченный вид.⁴ С глаголом орхико "бросить, оставить" аналитическая форма типа уншажа орхико "прочитать", образующая завершенный вид, даже слилась фонетически, превратившись в особый видовой аффикс -жархи, -жэрхи, например, уншажархиба "прочитал".

Достаточно существенной специфической функцией бурятских сопутствующих деепричастий является их участие в образовании сложного глагольного сказуемого, в котором они выражают значение части. В качестве служебного слова выступают особые вспомогательные глаголы, из которых наиболее частотным и нейтральным является глагол байна "быть". К этим же глаголам относятся и модальные глаголы типа шадажа "можно", яжажа "не можно", туршажа "пытается" и др. Например: бэшеже байна "пишет", бэшеже байба "писал", бэшеже шалахагүй "не может писать", бэшеже туршана "пытается писать", бэшеже болон "можно писать" и т.п.

Повтор деепричастий в бурятском языке тоже специфичен и является одним из приемов выражения аспектуальных характеристик действия, связанных с длительностью, краткостью и т.п., например: эрбэн эрбэн хараха "смотреть, все время глядясь".

Кроме того, бурятские сопутствующие деепричастия на -жа и на -н используются для образования составных глаголов типа худалдажа абаха "покупать", хулеэн абаха "принимать", ургэн бариха "предносить".

В § 2 "Речевые функции обстоятельственных деепричастий бурятского языка" рассмотрена синтаксическая роль специфически бурятских обстоятельственных деепричастий, которые

⁴ См.: Дыдыпов Ц.-Ж.Ц. Еще раз об аспектуальности//Вопросы грамматики монгольских языков. Новосибирск:Наука, с.58-61.

оформляют сказуемые различных обстоятельственных деепричастных оборотов, соответствующих придаточным предложениям русского языка. При этом обособленные деепричастные обороты русского языка не могут в полной мере служить аналогами бурятских деепричастных оборотов. Лишь отдельные из них, главным образом это обстоятельственные обороты образа действия, могут в какой-то мере соответствовать русским деепричастным оборотам. Речевые функции бурятских обстоятельственных оборотов подробно рассмотрены по типам этих оборотов: временным, условным, уступительным, целевым, причинным, предпочтения, образа и степени действия.

В заключении подведены итоги проделанного исследования, которое показало, что как в бурятоведении, так и в русистике неличные формы глагола осознаются не как самостоятельные части речи, а как особые формы глагола, сохраняющие аалоговые и видовые его характеристики. Они являются чисто формообразовательной категорией.

По составу неличных форм бурятский и русский языки не совпадают. В русском языке нет причастия будущего времени, представленное в бурятском глаголе, а в бурятском языке нет формы инфинитива, особой неопределенной формы глагола, весьма активной в русском языке. В русском языке 4 формы причастий, в бурятском - 9 причастий, в русском языке 2 деепричастия, в бурятском - 16.

Общей функцией причастий обоих сравниваемых языков является их определительная функция, причем бурятский язык на речевом уровне, используя категорию переходности/непереходности и аалога, компенсирует отсутствие явно выраженной категории страдательного причастия. Существенным отличием бурятских причастий является их использование в образовании сказуемых форм, причем как в главном предложении, так и для оформления различных причастных оборотов, которые являются аналогами русских придаточных предложений. Только русский определительный причастный оборот напоминает бурятский причастный определительный оборот.

В речевых функциях деепричастий тоже есть как сходные черты, так и существенная разница между бурятским и русским языками. Общим является то, что деепричастия обоих языков определяют действие через действие и выполняют тем самым

обобщенную обстоятельственную функцию. В русских деепричастиях эта функция выражена отчетливее. Бурятские деепричастия более предикативны. Именно это способствует бытованию у них ряда специфических функций, не имеющих аналогий в русском языке. Это: способность оформлять однородные сказуемые, выражать значимую часть составного глагольного сказуемого, путем повтора выражать аспектуальные характеристики действия, участвовать в образовании составных глаголов, в самом главном - это оформлять сказуемые самостоятельных обстоятельственных деепричастных оборотов, составляющих полную аналогию русским придаточным предложениям.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Винительный падеж в системе предикативного склонения причастий бурятского языка // Структурные и функциональные типы сложных предложений. Новосибирск, 1982, с.136-142. /В соавторстве с М.И.Черемисиной/.

2. Характеристика состава и речевых функций неличных форм глагола бурятского и русского языков /на примере причастий/ //Сопоставительно-типологическое исследование монгольских языков. Улан-Удэ, 1993, с.84-105.

3. О речевых функциях деепричастий бурятского и русского языков //Багач Евратин: жизнь и деятельность. Доклады и тезисы научной конференции. Улан-Удэ, 1993, с.91-98.

4. Состав и речевые функции деепричастий бурятского и русского языков //Историко-сравнительное изучение монгольских языков. Улан-Удэ, 1995, с.72-81.

